

Российское право: состояние, перспективы, комментарии

Научная статья

УДК: 347.91/.95+343.131

DOI: 10.17323/2072-8166.2021.5.4.23

К вопросу о цифровизации судебной деятельности

Олег Анатольевич Степанов¹,

Денис Андреевич Печегин²,

Мария Олеговна Дьяконова³

^{1, 2, 3} Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, Москва, Россия

¹ crim@izak.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6154-3688>

² crim5@izak.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6499-9966>

³ civil@izak.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7528-0981>

Аннотация

В статье рассматривается проблема цифровизации судебной деятельности в Российской Федерации и за рубежом. С учетом того, что в современном мире все более широкое внедрение получают элементы электронного правосудия, в статье дан анализ его фундаментальных начал и проведено разграничение электронных методов обеспечения не только процессуальной деятельности, но и цифровизации правосудия как самостоятельного направления трансформации общественных отношений на современном этапе. В качестве реализации первого направления в статье приводятся опыт зарубежных стран, российские законодательные подходы и разрабатываемые в настоящее время законодательные инициативы в части совершенствования взаимодействия участников процесса путем использования информационных технологий. Авторы приходят к выводу, что реализованные подходы и предлагаемые нововведения призваны лишь модернизировать форму управления правосудия новыми возможностями осуществления тех же действий (идентификации лиц, участвующих в деле, извещения, участия в судебном заседании и др.) не меняя сущностных характеристик судопроизводства. Второе направление, связанное с цифровизацией правосудия как такового, освещается с точки зрения перспектив и рисков применения технологий искусственного интеллекта для принятия юридически значимых решений по существу. Авторы считают, что цифровизация правосудия требует разработки и внедрения в ма-

шиночитаемое право категории справедливости, а также мер безопасности как технологического, так и правового характера. Внедрение данных технологий в контекст судебного процесса должно сопровождаться мерами безопасности как технологического, так и правового характера, в частности созданием надлежащей правовой основы для определения границ автоматизированной обработки информации с сохранением возможности пересмотра принятого судьей решения, в том числе определения оснований для отказа в его исполнении. Именно человек в данных процессах должен оказываться в центре внимания правоприменителя, а цифровые технологии для достижения целей правосудия — быть инструментом, который максимально способствует исключению возможности принятия формального решения.

Ключевые слова

цифровизация, судебная деятельность, правосудие, зарубежный опыт, искусственный интеллект, справедливость

Для цитирования: Степанов О.А., Печегин Д.А., Дьяконова М.О. К вопросу о цифровизации судебной деятельности // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2021. № 5. С. 4–23. DOI: 10.17323/2072-8166.2021.5.4.23.

Russian Law: condition, perspectives, comments

Research article

Towards the Issue of Digitalization of Judicial Activities

Oleg A. Stepanov¹,

Denis A. Pechegin²,

Maria O. Diakonova³

^{1, 2, 3} Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russia

¹ crim@izak.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6154-3688>

² crim5@izak.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6499-9966>

³ civil@izak.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7528-0981>

Abstract

The article considers the problem of digitalization of judicial activities in the Russian Federation and abroad. Given the fact that in the modern world elements of digital (electronic) justice are gaining widespread adoption, the article presents an analysis of its fundamental principles and distinguishes between electronic methods of ensuring procedural activity and digitalization of justice as an independent direction of transformation of public relations at the present stage. As a demonstration of the implementation of the first direction, the article

presents the experience of foreign countries, Russian legislative approaches and currently being developed legislative initiatives in terms of improving the interaction of participants in the procedure through the use of information technologies. The authors come to the conclusion that the implemented approaches and proposed amendments are intended only to modernize the form of administration of justice with new opportunities to carry out the same actions (identification of persons participating in the case, notification, participation in the court session, etc.) without changing the essential characteristics of the proceedings. The second direction, related to electronic (digital) justice, is highlighted from the point of view of the prospects and risks of using artificial intelligence technologies to make legally significant decisions on the merits. At the same time, the authors argue that the digitalization of justice requires the development and implementation of the category of justice in machine-readable law, as well as special security measures of both technological and legal nature. The introduction of these technologies into the context of the judicial process should be accompanied by special security measures of both technological and legal nature, in particular by creating an appropriate legal basis for determining the boundaries of automated information processing while preserving the possibility of reviewing the decision made by the judge, including determining the grounds for refusal to execute it. It is the person in these processes who should be the focus of the law enforcement officer's attention, and digital technologies should be a tool for achieving the goals of justice, which maximally contributes to the exclusion of the possibility of making a formal decision.

Keywords

digitalization, judicial activity, justice, foreign experience, artificial intelligence

For citation: Stepanov O.A., Pechegin D.A., Diakonova M.O. Towards the Issue of Digitalization of Judicial Activities. *Law. Journal of the Higher School of Economics*, 2021, no. 5. pp. 4–23. (In Russ.). DOI: 10.17323/2072-8166.2021.5.4.23.

Введение

Согласно Указу Президента Российской Федерации от 07.05.2018 № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года» процесс цифровизации общественной практики носит стратегический характер¹. Программа «Цифровая экономика Российской Федерации» предусматривает задачу формирования правовых условий в сфере судопроизводства и нотариата в связи с развитием цифровой экономики².

Такая тенденция характерна для большинства стран. Так, в соответствии с Рекомендациями Комитета министров Совета Европы CM/Rec(2009)1 государствам-участникам Совета Европы по электронной демократии (при-

¹ СЗ РФ. 14.05.2018. № 20. Ст. 2817.

² Паспорт национального проекта «Национальная программа «Цифровая экономика Российской Федерации»». Утв. президиумом Совета при Президенте Российской Федерации по стратегическому развитию и национальным проектам, протокол от 04.06.2019 № 7.

няты Комитетом министров 18.02.2009 на собрании заместителей министров), электронное правосудие призвано повысить качество деятельности государственных служб за счет электронного общения и обмена данными, а также доступа к информации судебного характера³.

Новые технологии, с одной стороны, призваны улучшить жизнь общества посредством ускорения и упрощения доступа к тем или иным услугам, повысить эффективность и качество форм участия в гражданском обороте, укрепить экономические связи между субъектами [Хабриева Т.Я., Черногор Н.Н., 2018: 85–102]. В то же время они в силу техничности собственной природы не лишены недостатков, на что не перестают обращать внимание современные исследователи [Кучеров И.И., 2017: 69–79]. Тем не менее перспективы активного внедрения искусственного интеллекта и других цифровых технологий обуславливают необходимость осмысления правового регулирования этих процессов [Медведев Р.Ф., 2018: 14]. В этом отношении не являются исключением судебные органы, деятельность которых составляет стержневую основу правовой защиты и правопорядка в государстве в целом.

Диапазон «глубины» цифровизации процессуальной формы варьируется [Поветкина Н.А., Леднева Ю.В., 2018: 46–67] от использования электронных средств коммуникации только как способа упрощения и ускорения процесса разрешения дела до применения возможностей искусственного интеллекта в качестве способа разрешения самого спора по существу. В связи с этим в юридической науке проводится различие между терминами «электронное обеспечение правосудия» и «электронное правосудие» [Решетняк В.И., Смагина Е.С., 2017: 16–19].

Первое заключается в использовании информационных технологий в качестве «подсобного средства» и является синонимом информатизации деятельности суда. В данном случае речь идет не о полной замене традиционных подходов новыми, предполагающими электронный обмен и анализ информации, а о дополнении действующих механизмов вспомогательными — такими, как подача процессуальных документов и доказательств в суд в электронной форме, электронное извещение, участие в судебных заседаниях посредством веб-конференции (без фактической явки в здание суда), применяемыми исключительно при добровольном волеизъявлении стороны спора.

Электронное (цифровое) правосудие, напротив, не ограничивается использованием информационных технологий как средства упрощения и ускорения процесса, а предполагает цифровизацию деятельности по отправлению правосудия с содержательной точки зрения (в том числе посредством изменения субъектов оценки доказательств и принятия решений по делу). Поскольку процесс — это совокупность совершенно определенных норм,

³ Available at: <http://cikrf.ru/international/recommend.doc> (дата обращения: 29.11.2021)

правил и процедур, регламентирующих производство по делу, то, имея в своем распоряжении необходимые данные, вполне возможно прогнозировать исход какого-либо действия того или иного участника правоприменительного процесса. Учет данного обстоятельства допускает техническое упрощение и совершенствование доступа граждан к правосудию, в том числе и на досудебных этапах производства дела [Лебедев В.М., Хабриева Т.Я., 2019: 12]. В данном случае принятие юридически значимых решений делегируется технологиям искусственного интеллекта: например, оценка компьютером поступающих в суд документов и доказательств, решение вопроса об их принятии, вынесение итоговых судебных актов.

Электронное обеспечение судебной деятельности, в отличие от электронного (цифрового) правосудия, предполагает совершенствование лишь формы судопроизводства, не затрагивая его содержательную часть. Поскольку стремительное развитие электронного обеспечения правосудия в отечественном и зарубежном законодательстве не может быть в полном смысле слова идентифицировано с электронным (цифровым) правосудием, требующем самостоятельной модели правовой реализации, то необходимо рассмотреть соотношение электронного обеспечения правосудия и электронного (цифрового) правосудия подробнее.

1. Электронное обеспечение деятельности по отправлению правосудия

Как зарубежное, так и российское законодательство развивается в сторону совершенствования электронной формы судопроизводства и электронного обеспечения деятельности судов, что предполагает реализацию следующих основных направлений.

1.1. Информационная открытость деятельности судов

Информационная открытость деятельности судов обеспечивается путем размещения в Интернете интерактивной поисковой системы, посредством которой можно получить информацию о структуре судебной системы, организации работы судов, штате судей, правовых основах деятельности судов, о находящихся в производстве делах и др. Такая система может предусматривать различный уровень доступа в зависимости от статуса лица: неучастник процесса, участник процесса, работник суда.

Так, в США функционирует электронная служба публичного доступа «Public Access to Court Electronic Records» (PACER), которая позволяет пользователям получать информацию о судебных делах в режиме онлайн из федеральных апелляционных, районных и арбитражных судов. PACER пре-

доставляет доступ для зарегистрированных пользователей к сведениям о судебных делах, пользование указанной системой является платным (\$0,10 за страницу документа). В рамках самой федеральной судебной системы действует система управления делами «Case management / electronic case files» (CM/ECF), PACER является интерфейсом к этой системе для доступа общественности. Система децентрализована, каждый суд имеет собственные серверы и собственную копию программного обеспечения. Каждый суд имеет действующий сервер и отдельные обучающие и тестовые серверы. Тестовый сервер используется для внесения изменений и установки новых версий перед началом работы. Учебный сервер позволяет пользователям узнать, как использовать CM / ECF, не затрагивая реальные дела.

В Сингапуре с 1997 года сначала в рамках пилотного проекта, а затем повсеместно внедрена платформа для подачи документов в суды в электронном виде через Интернет — Electronic Filing System⁴. Платформа обеспечивает электронный реестр и всю систему документооборота Верховного суда и подчиненных судов. Кроме того, с ее помощью все документы, поступающие в суд, подвергаются автоматической проверке на предмет соответствия предъявляемым к такому типу документов требованиям без использования человеческого фактора. Дальнейшая маршрутизация документа разрабатывается также автоматически.

В России отсутствует единая система, через которую обеспечивался бы доступ к информации о судебной деятельности: для судов общей юрисдикции функционирует интернет-портал ГАС «Правосудие» (www.sudrf.ru), для арбитражных судов — информационной система «kad.arbitr.ru». Дальнейшее развитие технического обеспечения судопроизводства предполагает формирование единого судебного портала, включающего картотеку электронных судебных дел и обеспечивающего интеграционное взаимодействие с иными государственными информационными системами, в том числе с федеральной государственной информационной системой «Единый портал государственных и муниципальных услуг (функций)».

1.2. Оптимизация уведомления участников судебного процесса

Оптимизация уведомления заинтересованных лиц о возбуждении и ходе судопроизводства, а также порядка информационного обмена между участниками процесса посредством использования электронных средств связи. Уязвимым элементом судопроизводства остается извещение лиц, участвующих в деле, о возбуждении производства, проведении судебных заседаний

⁴ Available at: <https://www.sicc.gov.sg/forms-and-services/electronic-filing-service> (дата обращения: 29.11.2021)

и совершении процессуальных действий, осуществляемых в ходе судебного разбирательства. Преимущества информирования участников процесса с помощью Интернета, заключающиеся в ускорении и упрощении процесса уведомления, снижении людских и материальных затрат, в полной мере осознается правительствами, продолжающими внедрять информационные технологии в судопроизводство.

Как правило, на законодательном уровне предусматривается возможность подачи любых документов в суд в электронной форме, а также электронный обмен документами между сторонами, судом. Практически везде для электронного взаимодействия требуется отдельное согласие стороны.

В Германии электронный документ может быть отправлен сторонам разбирательства, если они прямо дали согласие на передачу документов электронным способом (п. (3) пар. 174 Гражданского процессуального уложения ФРГ). Полностью электронное взаимодействие установлено между судами и государственными органами и учреждениями. Установлены каналы передачи документов, признаваемые безопасными: через электронную почту; посредством электронного почтового ящика адвоката; через почту органа власти или юридического лица публичного права; посредством других общенациональных каналов передачи, которые гарантируют подлинность и целостность данных.

Правила гражданского судопроизводства Англии также устанавливают возможность направления судебных документов с помощью электронных средств связи (6.23 (5), 6.23 (6)). Детализирующая эти Правила инструкция 6А (пар. 4.1–4.3) уточняет, что документ может быть отправлен по факсу или другим электронным способом, когда: сторона (ее представитель) предварительно сообщила в письменной форме о готовности принимать извещения по факсу или другими электронным средствам и сообщила адрес электронной почты или другую электронную идентификацию; на официальных документах, направленных стороной (ее представителем), указан номер факса или адрес электронной почты. Если сторона намеревается вручить документ с помощью электронных средств (кроме факсимильной связи), следует сначала спросить другую сторону: существуют ли какие-либо ограничения в согласии получателя принимать документы такими средствами.

Следует отметить, что законодательство государств постсоветского пространства — Грузии, Республики Казахстан, Республики Молдова, Украины, Эстонии и др. — также содержит ряд норм, связанных с цифровизацией судопроизводства.

В условиях диспозитивности правоприменительного процесса наблюдается активное использование информационного обмена между сторонами путем электронной связи, что объясняется их равной заинтересованностью в скорейшем устранении правовой неопределенности в правоотношениях.

Подход, при котором электронные каналы связи избираются сторонами добровольно, является более востребованным, нежели навязывание цифровых технологий государственной властью.

Практика судопроизводства в электронном формате распространена в рамках судебных систем таких зарубежных стран, как Австрия, Дания, Италия, Канада, Нидерланды, Саудовская Аравия, Сингапур, США, Швеция, Южная Корея и др. В этих государствах, как правило, на законодательном уровне предусматривается подача любых документов в суд в электронной форме, а также обмен документами между сторонами в электронной форме. Практически везде, за исключением Сингапура, для электронного взаимодействия требуется отдельное согласие стороны.

Согласно российскому законодательству, заявления, жалобы и иные документы также могут быть поданы в суд в форме электронного документа, подписанного электронной подписью или посредством заполнения формы, размещенной на официальном сайте суда в Интернете. Все более широкое распространение получают электронные способы извещения участников процесса: например, в арбитражном процессе после получения первичного извещения в традиционной форме последующее уведомление не производится — соответствующие акты выкладываются на портале, и стороны самостоятельно могут с ними ознакомиться. В гражданском процессе такое правило пока действует только в отношении государственных органов и организаций, но в разрабатываемых ныне законопроектах предлагается распространить такое регулирование и на граждан⁵.

1.3. Внедрение информационных технологий в организацию разбирательства дела по существу

В настоящее время в зарубежных правовых системах компьютерная техника и электронная связь используются для наилучшей организации работы судов, ускорения и упрощения процессуальных действий. В этих целях в государственные суды внедряется система электронного управления делами, обеспечивающая управление информационными потоками: электронную регистрацию дела, определение информации о сторонах, учет входящих и

⁵ Проект федерального закона «О внесении изменений в Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации, Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации, Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации и иные законодательные акты Российской Федерации» в части обеспечения возможности подачи документов в суд и судебного извещения посредством федеральной государственной информационной системы «Единый портал государственных и муниципальных услуг (функций)», участия в судебных заседаниях с использованием систем веб-конференции. Available at: URL: <https://regulation.gov.ru/projects#npa=109498> (дата обращения: 29.11.2021)

исходящих документов, маршрутизацию прохождения дела и контроль за процессуальными сроками, подготовку судебной статистики, обеспечение связи со всеми участниками процесса. Такая платформа позволяет обрабатывать и хранить документы с их регистрацией, оптимизируя процесс судопроизводства в целом. В США, как указано выше, это система «Case management / Electronic case files» — «Управление делами / Электронный архив дел», которая с 2004 года работает во всех федеральных судах.

В настоящее время происходит и автоматизация отдельных видов производств, в рамках которых разрешаются наиболее простые, бесспорные требования по взысканию небольших денежных сумм. Вероятно, автоматизация процесса принятия юридически значимого решения возможна по тем категориям дел, где заранее определены предмет доказывания и доказательства, подтверждающие имеющие значение для дела факты, а функция суда, по сути, сводится к подтверждению и удостоверению. К таким делам в первую очередь относятся дела приказного производства (некоторые ученные производство по вынесению судебного приказа правосудием не считают вовсе, поскольку отсутствует состязательная процессуальная форма, как таковое свободное усмотрение судьи, предусмотрен легкий порядок отмены выданного судебного приказа). При условии заполнения формуляра на сайте суда, приложения к нему необходимых доказательств решение о выдаче приказа может быть принято программой.

Например, в Германии функционирует электронное приказное производство, введение которого стало возможным в условиях сохранения только формальной проверки ходатайства о вынесении судебного приказа на предмет приемлемости предъявляемых к взысканию требований. Заявление о выдаче судебного приказа, содержащее все необходимые условия и требования, заполняется в электронной форме, размещенной в Интернете, при этом допускается возможность исправления ошибок. Повторная проверка заявления на предмет его приемлемости не требуется.

Вместе с тем любые попытки внедрения системы искусственного интеллекта путем полной замены работы судьи по рассмотрению и разрешению споров и конфликтов, оценки доказательств, предъявленных сторонами, едва ли могут быть поддержаны

Использование видеоконференцсвязи в судебных заседаниях — общепризнанная практика в иностранных юрисдикциях. Вместе с тем в странах общего права, где традиционным является суд присяжных, видеоконференцсвязь является исключительным способом участия в судебном заседании, поскольку ее использование не позволяет установить личный контакт с участником процесса.

Примечательно, что организационный по своей сути вопрос о форме участия в судебном заседании оказывает влияние на трансформацию процесса

доказывания, что видно на следующем примере. По общему правилу, при производстве по уголовным делам в Международном уголовном суде (далее — МУС) показания даются свидетелями в судебном заседании лично⁶. Это открывает сторонам возможность гласно и открыто допросить свидетелей, выяснить их ответы на вопросы, предъявить суду оценку надежности показаний свидетеля и т.п., что в целом подкрепляет состязательные начала уголовного судопроизводства в МУС, а также корреспондирует установленным ст. 67(1)(е) Римского статута правам обвиняемого.

Вместе с тем на основании ст. 69 (2) Статута и Правил процедуры и доказывания Судебная палата МУС может распорядиться о воспроизведении показаний свидетеля в той или иной форме, которые были зафиксированы ранее в ходе расследования уголовного дела или в рамках судебного производства. Такое решение может быть принято, например, когда свидетель не в состоянии давать показания по причине болезни, смерти, увечья, возраста и в иных подобных случаях, таких, как уникальная возможность для расследования, предусмотренная ст. 56 Статута. Либо если вопрос касается безопасности участников уголовного судопроизводства в соответствии со ст. 68 Статута.

В частности, исходя из требований ст. 67 Статута, необходимый уровень безопасности может быть достигнут при допросе свидетеля посредством видеоконференцсвязи с использованием технологий изменения голоса свидетеля и демонстрации лишь его силуэта. Более того, при определенных обстоятельствах допрос свидетеля может быть начат в условиях *in camera* и *ex parte*, на что указывает правило 88 Правил процедуры и доказывания. Например, чтобы установить его личность в судебном заседании, но предотвратить возможность обладания информацией о его (ее) личности кем-либо из участников процесса.

Однако разработчики Римского статута также предусмотрели возложение на Судебную палату МУС обязанности в каждом случае принимать решение о воспроизведении показаний свидетеля в его отсутствие либо в связи с принятием мер безопасности участников уголовного судопроизводства, либо учитывая потенциальные риски нарушения прав обвиняемого этим решением, в том числе при соблюдении требований процессуальной экономии. Таким образом, мы наблюдаем стремление разработчиков Статута заложить в качестве его основы требование соблюдения баланса интересов различных участников производства по уголовному делу, а равно сторон (в том числе потерпевшей стороны) независимо от формы организа-

⁶ Prosecutor v. Lubanga. ICC Trial Chamber Decision on the Prosecution's application for admission of four documents from the bar table pursuant to Article 64(9). 20 January 2011. ICC-01/04-01/06-2662. Para 13.

ции разбирательства дела. В любом случае подсудимый приобретает право в каждой подобной ситуации высказать суду свое отношение к изложенным показаниям, а также привести контрдоводы в пользу своей интерпретации событий. Необходимо также иметь в виду положения ст. 64(6)(b) Статута, которая раскрывает полномочие МУС обращаться за помощью к конкретному государству с целью обеспечения явки лица в судебное заседание⁷, в том числе посредством видеоконференцсвязи⁸ на основании ст. 93(1)(b) Статута [Broomhall B., 2003: 158], если того требуют интересы безопасности и комфорта свидетеля⁹.

Применительно ко всем описанным выше способам представления в МУС сведений весьма интересен опыт его предшественника в лице Международного трибунала по бывшей Югославии (МТБЮ) [Dutton Y., 2012: 1293–1294], который первым внес градацию доказательств по их силе в зависимости от формы представления, что явилось отражением инквизиционной модели построения процесса доказывания на современном этапе. Так, по делу *Prosecutor v. Tadić* было установлено, что доказательственная ценность показаний, предъявленных по видеоконференцсвязи, хотя и является более весомой, чем показания, полученные в результате подачи письменных документов, т.е. в отсутствие лица, но не может быть столь же весомой, как показания, представленные в зале судебного заседания лично¹⁰. Эта градация воспринята и в рамках регламентации процесса доказывания в МУС как наследника международных трибуналов.

В соответствии с установленной градацией указанные выше доказательства будут по-разному оцениваться в процессе рассмотрения дела в МУС по существу. Другими словами, МУС при разрешении дела, скорее всего, отдаст предпочтение показаниям, которые были даны непосредственно в рамках судебного заседания, и, напротив, при наличии «лучшего» доказательства, не станет обосновывать решение, скажем, письменными показаниями, не подтвержденными лично тем или иным лицом.

⁷ *Prosecutor v. Ruto et al.* ICC Trial Chamber Decision on Prosecutor's Application for Witness Summonses and resulting Request for State Party Cooperation. 17 April 2014. ICC-01/09-01/11-1274-Corr2. Para 100, 193.

⁸ *Prosecutor v. Ruto et al.* ICC Appeal Chamber Judgment on the appeals of William Samoei Ruto and Mr Joshua Arap Sang against the decision of Trial Chamber V (A) of 17 April 2014 entitled 'Decision on Prosecutor's Application for Witness Summonses and resulting Request for State Party Cooperation'. 9 October 2014. ICC-01/09-01/11-1598.

⁹ *Prosecutor v. Bemba.* ICC Trial Chamber Public redacted decision on the 'Prosecution request to hear Witness CAR-OTP-PPPP-0036's testimony via video-link'. 3 February 2012. ICC-01/05-01/08-2101-Red2. Para 7.

¹⁰ *Prosecutor v. Tadić.* ICTY Trial Chamber II Decision on the Defence Motions to Summon and Protect Defence Witnesses and on the Giving of Evidence via Video-link. 25 June 1996. Case No. IT -94-1. Para. 21.

В данном преломлении структуры доказывания по существу можно вести речь о возрождении на современном этапе идеи классификации доказательств по их силе, которая была присуща инквизиционной форме уголовного судопроизводства. Такое регулирование не противоречит международно-признанным стандартам в области производства уголовных дел, равно как и требованиям состязательности. Напротив, вышесказанное свидетельствует в пользу реальной возможности сочетания состязательных и следственных начал, причем на более высоком уровне — в рамках модели построения цифрового процесса доказывания и организации судебной деятельности.

Качественно новым этапом в информатизации процесса отправления правосудия является создание и функционирование полностью электронных судов. Так, официально созданный в августе 2017 года Интернет-суд города Ханчжоу в Китае — один из первых судов в Китае, который рассматривает дела исключительно через Интернет, к его компетенции относятся споры по поводу интеллектуальной собственности в Интернете¹¹.

На более широкое применение новейших технологий в отечественном судопроизводстве направлены разрабатываемые в настоящее время законодательные инициативы в части совершенствования взаимодействия участников процесса путем использования информационных технологий по следующим основным направлениям: дистанционное обращение в электронной форме в суд через личный кабинет участника судебного процесса; дистанционное получение судебных повесток и иных судебных извещений в личном кабинете участника процесса; дистанционное получение там же судебных актов и их копий в электронном виде; внедрение в работу судов допуска лиц к участию в судебных заседаниях через веб-конференцию, позволяющую дистанционно участвовать в судебном заседании в режиме реального времени без необходимости явки в суд посредством аутентификации гражданина по его биометрическим персональным данным¹².

В целом ныне в России наиболее активно электронные технологии используются в арбитражном процессе, в меньшей степени — в гражданском, административном и уголовном, что во многом обусловлено различием в техническом обеспечении судов общей юрисдикции и арбитражных судов, а

¹¹ Available at: URL: <https://www.netcourt.gov.cn/?lang=En> (дата обращения: 29.11.2021)

¹² Проект федерального закона «О внесении изменений в Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации, Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации, Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации и иные законодательные акты Российской Федерации» в части обеспечения возможности подачи документов в суд и судебного извещения посредством федеральной государственной информационной системы «Единый портал государственных и муниципальных услуг (функций)», участия в судебных заседаниях с использованием систем веб-конференции. Available at: URL: <https://regulation.gov.ru/projects#npa=109498> (дата обращения: 29.11.2021)

также спецификой субъектных составов дел, рассматриваемых в указанных процессуальных порядках. В связи с этим перспективна смена акцентов в правовом регулировании — использование традиционных средств только в случаях отсутствия технических возможностей доступа к электронным средствам коммуникации при условии добровольно выраженного согласия заинтересованных лиц на электронные способы взаимодействия.

Указанные реализованные подходы и предлагаемые нововведения призваны лишь модернизировать форму отправления правосудия новыми возможностями осуществления тех же действий (идентификации лиц, участвующих в деле, извещения, участия в судебном заседании и др.), не меняя сущностных характеристик судопроизводства.

Сегодня формируется новая цифровая сфера общественных отношений, требующая не только новеллизации материального законодательства, но и адаптации судебной системы к меняющимся реалиям. Электронное (цифровое) правосудие сущностно отличается от использования информационных технологий для совершенствования формы судопроизводства. Отметим, что словосочетание «цифровое правосудие» в большей степени соответствует вектору развития государства и общества. Содержательное отличие цифрового правосудия заключается в том, что оно влияет не только на процесс модификации формы судопроизводства, но и на состав субъектов доказывания, правила оценки доказательств и прочее. При этом в рамках данных преобразований надлежит в первую очередь определить соотношение понятий «цифровое правосудие» и «справедливость».

2. Проблемы обеспечения справедливости и безопасности электронного (цифрового) правосудия

Деятельность государства, связанная с рассмотрением дела о правонарушении или с правовым спором, в том числе с принятием решения по нему, определяет содержание юрисдикционной сферы деятельности органов государственной власти, поскольку правосудие как основное направление деятельности судебной власти является наиболее совершенным средством правовой охраны интересов государства и человека [Кузурманова И.В., 2011: 37–40]; [Максютин М.Н., 2008: 63].

Исходя из того, что основная функция судебной власти связана с осуществлением правосудия и суд призван восстанавливать право при нарушении закона, такую власть важно рассматривать не только как отдельную часть государственного механизма, а как власть, подтверждающую справедливость государственной организации общества.

Этому, в частности, призвана способствовать цифровая трансформация юрисдикционной сферы, направленная на обеспечение доверия к цифро-

вым записям, а также на установление соответствующего режима сбора и хранения цифровых доказательств программами. Такие программные решения должны учитывать особенности регулирования цифровых правоотношений в материальном законодательстве и фиксации юридических фактов, что, среди прочего, потребует разработки специальных правил процессуального доказывания.

Цифровизация материальных правоотношений закладывает основу для трансформации институтов доказательственного права, например, в части механизмов определения достоверности, допустимости и юридической силы цифровых доказательств, методов их исследования и оценки судом, но достижения в сфере развития электронных форм судебного производства, как представляется, пока не смогут решить проблемы цифрового доказывания в силу их привязанности к традиционным формам (электронная подпись — собственноручная подпись, протокол в письменной форме — аудио- и видеопротokolирование и пр.). Данное обстоятельство имеет ключевое значение для надлежащего качества «правосудия будущего», которое должно быть связано с возрастающей ролью суда в поддержании баланса между человеком, обществом и государством. При этом повышение качества судебных актов за счет использования цифровых технологий должно рассматриваться как фактор, определяющий формирование этого баланса. Исходя из этого на данном этапе важно определить в качестве основы цифрового правосудия его фундаментального начала достижение «цифровой» справедливости.

Справедливость — основополагающая составляющая «естественного права», которое принадлежит человеку от рождения. Она определяет сущность права и является его основой [Саксонов А.В., 2016: 37]. Способность права быть выразителем идеи справедливости (право — нормативно закрепленная и реализованная справедливость [Лившиц Р.З., 1994: 69]) самым тесным образом связана с самой идеей правосудия. А.Ф. Кони уже более ста лет назад указывал на то, что правосудие не может быть отрешено от справедливости [Исаев И.А., 1994: 51], т.е. входить в противоречие с этим фундаментальным положением.

Существенное влияние на снижение потенциала такого противоречия может оказать использование цифровых технологий, призванных минимизировать влияние человеческого фактора в процессе принятия правовых решений. Важно, чтобы любая современная цифровая технология, предлагающая решение по существу дела, была способна тестировать весь массив ранее принятых юридически значимых решений с учетом того, что заложенная в них модель соответствует ценностным основам правосудия.

Уже сегодня технологии наиболее точным образом предсказывают исход большинства дел, рассматриваемых судами. Так, интересен опыт иностранных частных компаний, в рамках которых начинает реализовываться потенциал новейших технологий и даже искусственного интеллекта. Ярким

примером тому может служить платформа LexMachina, которая принадлежит компании LexisNexis, позволяющая предсказывать исход судебного разбирательства, а также платформа Westlaw Edge компании Thomson Reuters. Делается это путем автоматического сбора и анализа размещенной в Интернете информации о судебных разбирательствах, судьях, адвокатах, сторонах и самих делах.

Известны поражающие примеры программ по использованию искусственного интеллекта, построенного по технологии *deep learning* (глубокое обучение) с целью предсказать результаты решений Европейского суда по правам человека¹³. Получив доступ к доказательствам в рамках того или иного дела, технологии оценивали их в соответствии с заданными параметрами с точностью вердиктов порядка 79% из 584 рассмотренных дел [Aletras N., Tsarapatsanis D., Preotiuc-Pietro D., Lampos V., 2016: 93].

В результате аналогичного американского эксперимента исследователи разработали «умную» программу, которой было дано задание посредством алгоритмов проанализировать судебные решения Верховного Суда США за период с 1816 по 2015 гг. Данная программа обнаружила связь между обстоятельствами дел и принятыми по ним решениями и точно предсказала исход более 70% из 28 000 рассмотренных дел¹⁴.

Во Франции возможность использования роботов-программ в правосудии была включена в повестку реформирования национальной судебной системы. На первом этапе это затронет более 2,5 млн. дел¹⁵. Внедрение цифровых технологий сопровождается мерами безопасности как технологического, так и правового характера. Например, введена уголовная ответственность за использование результатов анализа судебной практики, позволяющего спрогнозировать, какое решение по делу может вынести судья. В отличие от США и Великобритании, где судьи приняли как свершившийся факт, что юридические компании, занимающиеся искусственным интеллектом, анализируют их решения до мельчайших деталей, а затем создают модели поведения в будущем, во Франции решили это искоренить¹⁶. Новая ст. 33 Закона № 2019-222 от 23.03.2019 о программировании и реформе правосудия на 2018–2022 годы гласит: никакие данные, касающиеся судей или судебных

¹³ Available at: <https://www.independent.co.uk/life-style/gadgets-and-tech/news/ai-judge-robot-european-court-of-human-rights-law-verdicts-artificial-intelligence-a7377351.html> (дата обращения: 29.11.2021)

¹⁴ Available at: <http://www.sciencemag.org/news/2017/05/artificial-intelligence-prevails-predicting-supreme-court-decisions> (дата обращения: 29.11.2021)

¹⁵ Available at: <https://www.humanite.fr/reforme-belloubet-des-logiciels-la-place-des-juges-mirage-de-la-justice-predictive-654139> (дата обращения: 29.11.2021)

¹⁶ Available at: <https://www.artificiallawyer.com/2019/06/04/france-bans-judge-analytics-5-years-in-prison-for-rule-breakers/> (дата обращения: 29.11.2021)

секретарей, не могут быть подвергнуты повторному использованию с целью или в результате оценки, анализа или прогнозирования их фактической или предполагаемой профессиональной практики¹⁷.

Также по мере внедрения цифровых технологий периодически возникают вопросы о возможной фальсификации той либо иной информации в ходе расследования и судебного разбирательства дела. При недобросовестности следователя или судьи необходимо исключить возможность внесения в электронный документ изменений и дополнений [Вехов В.Б., 2008: 298–299] как путем установления запрета на изменение электронной информации, используемой в доказывании по делу, так и надежной защиты цифровых документов от возможной модификации.

Философия обеспечения положительного баланса в части внедрения указанных технологий и возможных издержек данного процесса должна строиться на основе минимизации риска подмены электронных данных. Это обстоятельство может рассматриваться в качестве залога обеспечения справедливости в правоприменительной деятельности в России, поскольку развитие технологий значительно опережает осмысление духовно-нравственных и социальных последствий их применения. Поэтому одной из главных задач для современных юристов станет решение проблемы внедрения в новые системы машиночитаемого права таких алгоритмов, которые способны оценивать наличие в тексте нормативного акта «духа права» (т.е. идей, отражающих справедливость).

Например, в 2018 г. Европейская Комиссия по эффективности правосудия (CEPEJ) Совета Европы впервые приняла документ «European ethical Charter on the use of Artificial Intelligence in judicial systems and their environment» (далее — Хартия), устанавливающий этические принципы использования искусственного интеллекта в судебных системах и при урегулировании споров: принцип уважения основных прав; принцип недискриминации; принцип качества и безопасности; принцип прозрачности, беспристрастности и справедливости; принцип «под контролем пользователя»¹⁸.

Создание надлежащей правовой основы использования искусственного интеллекта и определение границ автоматизированной обработки информации с сохранением подконтрольности решения судье, в том числе определение оснований для отказа в его исполнении по причине неисправностей,

¹⁷ Available at: https://www.legifrance.gouv.fr/eli/loi/2019/3/23/2019-222/jo/article_33 (дата обращения: 29.11.2021)

¹⁸ European Ethical Charter on the Use of Artificial Intelligence in Judicial Systems and their environment was adopted at the 31st plenary meeting of the CEPEJ (Strasbourg, 3-4 December 2018). Available at: <https://www.europarl.europa.eu/cmsdata/196205/COUNCIL%20OF%20EUROPE%20-%20European%20Ethical%20Charter%20on%20the%20use%20of%20AI%20in%20judicial%20systems.pdf> (дата обращения: 29.11.2021)

несанкционированного внешнего воздействия и др., являются необходимыми условиями, позволяющими обеспечить соблюдение прав человека в условиях делегирования функции разрешения споров искусственному интеллекту.

Это означает, что уже на этапе разработки программного обеспечения должны быть полностью интегрированы нормы, запрещающие прямые или косвенные нарушения основополагающих ценностей, охраняемых правом национального и международного уровней, в том числе Конституцией Российской Федерации, Конвенцией о защите прав человека и основных свобод (1950) и иными международными договорами, внутренним законодательством. Учитывая способность информационных технологий выявлять существующие различия путем группировки или классификации данных, относящихся к отдельным лицам или группам лиц, следует предотвратить риски воспроизведения и усугубления такой дискриминации.

Так, ст. 2 Хартии гласит, что дискриминация может включать предполагаемое расовое или этническое происхождение, социально-экономическое происхождение, политические взгляды, религиозные или философские убеждения, членство в профсоюзах, генетические данные, биометрические данные, данные о здоровье или о сексуальной жизни или сексуальной ориентации. При выявлении такой дискриминации необходимо рассмотреть вопрос о корректирующих мерах по ограничению или, по возможности, нейтрализации этих рисков, а также о повышении осведомленности заинтересованных сторон¹⁹.

Сторона должна быть информирована, что итоговое решение обязательно для исполнения при одновременном сохранении права на доступ к правосудию с тем, чтобы дело могло быть рассмотрено непосредственно судьей по смыслу ст. 6 Европейской конвенции.

В связи с этим особенно важны требования сохранения контроля со стороны судьи, создание возможности пересматривать автоматизированные решения и обеспечение доступа к массиву данных, используемого для автоматизированного разрешения дела.

Заключение

Будущее правового регулирования, связанного с осуществлением судебной деятельности в условиях цифровизации, предполагает развитие двух направлений, требующих самостоятельной оценки. Первое, активно развивающееся в настоящее время, являет собой разработку механизмов и способов упрощения, ускорения судебного разбирательства с помощью при-

¹⁹ Ibid.

менения информационных технологий как аналога традиционных средств осуществления процессуальных действий, таких как электронное судебное извещение, электронная форма доказательств, электронное судебное дело, дистанционное участие в судебных заседаниях и др.

Второе направление развития правосудия в цифровую эпоху, обладая значительным потенциалом, на современном этапе требует решения целого спектра задач, в первую очередь связанных с обеспечением справедливости и безопасности. Цифровое правосудие не тождественно понятию электронного обеспечения судебной деятельности, так как предполагает не простую смену формы процесса, но также меняет его в сущностном отношении, делегируя функцию по отправлению правосудия цифровым технологиям. Данное обстоятельство, с одной стороны, требует разработки и внедрения в машиночитаемое право категории справедливости, что предполагает создание специальных информационно-аналитических программных систем, учитывающих базовые ценности национального и международного права.

С другой стороны, внедрение данных технологий должно сопровождаться дополнительными мерами безопасности как технологического, так и правового характера, в частности, путем создания надлежащей правовой основы определения границ автоматизированной обработки информации с сохранением возможности пересмотра принятого решения судьей, в том числе определение оснований для отказа в его исполнении по причине технических неисправностей, несанкционированного внешнего воздействия и др.

Другими словами, независимо от формы и возможных программных решений, человек должен оказываться в центре внимания правоприменителя. Использование цифровых технологий должно рассматриваться в качестве инструмента достижения целей правосудия, который максимально способствует исключению возможности принятия противоправного (неправосудного) решения по делу под «прикрытием» соблюдения юридической формы.

Таким образом, цифровизация правосудия призвана способствовать дальнейшему развитию признанных международным сообществом принципов равноправия и состязательности процесса, облегчать доступ к правосудию, обеспечивать его справедливость и эффективность.

Список источников

1. Вехов В.Б. Основы криминалистического учения об исследовании и использовании компьютерной информации и средств ее обработки. Волгоград: Академия МВД России, 2008. 404 с.
2. Исаев И.А. История государства и права России. М.: Юрист, 1994. 432 с.
3. Колоколов Н.А. (ред.) Теория уголовного процесса: состязательность. М.: Юрлитинформ, 2013. Ч. I. 368 с.

4. Кузурманова И.В. Административно-юрисдикционная деятельность: системная декомпозиция // Административное право и процесс. 2011. № 1. С. 37–40.
5. Кучеров И.И. Слагаемые финансовой безопасности и ее правовое обеспечение // Журнал российского права. 2017. № 6. С. 69–79.
6. Лившиц Р.З. Теория права. М.: БЕК, 1994. 224 с.
7. Максютин М.Н. Теория юрисдикционного процесса. Кн. 1. М.: Изд-во Московского психолого-социального института, 2008. 224 с.
8. Медведев Р.Ф. Проблемы правового регулирования цифровизации в современных условиях // Законность. 2018. № 9. С. 14–15.
9. Поветкина Н.А., Леднева Ю.В. «Финтех» и «регтех»: границы правового регулирования // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2018. № 2. С. 46–67.
10. Решетняк В.И., Смагина Е.С. Информационные технологии в гражданском судопроизводстве (российский и зарубежный опыт). М.: Городец, 2017. 304 с.
11. Саксонов А.В. Право — искусство добра и справедливости // Вопросы студенческой науки. 2016. № 1. С. 36–38.
12. Хабриева Т.Я., Черногор Н.Н. Право в условиях цифровой реальности // Журнал российского права. 2018. № 1. С. 85–102.
13. Хажипов Р.Х. Роль права и нравственности в реализации сущностных сил человека: дис. к.ф.н. Уфа, 1990. 186 с.
14. Aletras N., Tsarapatsanis D., Preotiuc-Pietro D., Lampos V. Predicting judicial decisions of the European Court of Human Rights: a Natural Language Processing perspective. *Peer Journal Computer Science*, 2016, no. 2, pp. 93–97.
15. Broomhall B. *International Justice and the International Criminal Court: Between Sovereignty and the Rule of Law*. Oxford: Oxford Univ. Press, 2003, 215 p.
16. Dutton Y. Virtual Witness Confrontation in Criminal Cases: A Proposal to Use Videoconferencing Technology in Maritime Piracy Trials. *Vanderbilt Journal of Transnational Law*, 2012, no. 5, pp. 1283–1340.
17. Khabrieva T.Y., Lebedev V.M. *Justice in modern world*. Moscow: Statut, 2019, 688 p.

References

1. Aletras N., Tsarapatsanis D. et al. (2016) Predicting judicial decisions of the European Court of Human Rights: a natural language processing perspective. *Peer Journal Computer Science*, no. 2, pp. 93–97.
2. Broomhall B. (2003) *International Justice and the International Criminal Court: Between Sovereignty and the Rule of Law*. Oxford: Univ. Press, 215 p.
3. Dutton Y. (2012) Virtual Witness Confrontation in Criminal Cases: A Proposal to Use Videoconferencing Technology in Maritime Piracy Trials. *Vanderbilt Journal of Transnational Law*, no. 5, pp. 1283–1340.
4. Isaev I.A. (1994) *History of State and Law of Russia*. Moscow: Yurist, 432 p. (In Russ.).
5. Khabrieva T.Y., Chernogor N.N. (2018) The law in digital reality. *Zhurnal rossiyskogo prava* = Journal of Russian Law, no. 1, pp. 85–102. (In Russ.).
6. Khabrieva T.Y., Lebedev V.M. (2019) *Justice in modern world*. Moscow: Statut, 688 p.
7. Khazhipov R.H. (1990) The role of law and morality in the implementation of the essential forces of man. Candidate of Philosophical Sciences Thesis. Ufa, 1990. 186 p. (In Russ.).

8. Kolokolov N.A. (2013) *Theory of Criminal Procedure: Competitiveness. Part I.* Moscow: Uritinform, 368 p. (In Russ.).
 9. Kuchеров I.I. (2017) Elements of the Financial Security and its Legal Support. *Zhurnal rossiyskogo prava* = Journal of Russian Law, no. 6, pp. 69–79. (In Russ.).
 10. Kuzurmanova I.V. (2011) Administrative activities: system decomposition. *Administrativnoe pravo i process* = Administrative Law and Process, no. 1, pp. 37–40. (In Russ.).
 11. Livshits R.Z. (1994) *Theory of Law.* Moscow: BEK, 224 p. (In Russ.).
 12. Maksyutin M.N. (2008) *Theory of the jurisdictional process.* Moscow: MPSI, 224 p. (In Russ.).
 13. Medvedev R.F. (2018) Legal regulation of digitalization under modern conditions. *Zakonnost'* = Legality, no. 9, pp. 14–15. (In Russ.).
 14. Povetkina N.A., Ledneva Y.V. (2018) Fintekh and Redtekh: Boundaries of Legal Regulation. *Pravo. Zhurnal Vyssshey shkoly ekonomiki* = Law. Journal of the Higher School of Economics, no. 2, pp. 46–67. (In Russ.).
 15. Reshetnyak V.I., Smagina E.S. (2017) *Information technologies in civil proceedings (Russian and foreign experience).* Moscow: Gorodets, 304 p. (In Russ.).
 16. Saksonov A.V. (2016) Right, the art of goodness and justice. *Voprosy studentcheskoi nauki* = Issues of Student Studies, no. 1, pp. 36–38. (In Russ.).
 17. Vekhov V.B. (2008) *Fundamentals of forensic doctrine of the study and use of computer information and means of its processing.* Volgograd: MVD, 404 p. (In Russ.).
-

Информация об авторах:

О.А. Степанов — доктор юридических наук, главный научный сотрудник, профессор.

Д.А. Печегин — кандидат юридических наук, старший научный сотрудник.

М.О. Дьяконова — кандидат юридических наук, старший научный сотрудник.

Information about the authors :

O.A. Stepanov — Doctor of Science (Law), Professor.

D.A. Pechegin — Candidate of Science (Law), Senior Researcher.

M.O. Diakonova — Candidate of Science (Law), Senior Researcher.

Статья поступила в редакцию 09.07.2020; одобрена после рецензирования 20.05.2021; принята к публикации 16.09.2021.

The article was submitted 09.07.2020; approved after reviewing 20.05.2021; accepted for publication 16.09.2021.